

Клинок и Цепель

А. Мор

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А. Мор

Клинок и пепел

<https://litres.ru/74547687>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кайнан — охотник. Он убивает ведьм по приказу Мордана — единственного, кто дал ему дом, цель и облегчение. Каждая смерть остаётся в нём: он чувствует агонию жертв, их страх, их последний вздох. Он верит, что мать прокляла его перед смертью. Он верит, что Мордан — его спаситель.

Элис — последняя из рода Тенабрии. Внутри неё живёт богиня смерти. Её тело покрыто шрамами от чужой боли, которую она забирала годами. Она знает, что умрёт. Это лишь вопрос времени.

Их встреча должна была закончиться смертью. Но когда Кайнан поднимает кинжал, его рука застывает. А когда она касается его ладони — его боль уходит. Впервые за десять лет.

Мордан сжигает болото. У них нет выбора — только идти вместе. Через катакомбы. Через три круга ада. К сердцу Мордана.

Но правда, которую они найдут в конце, уничтожит всё, во что Кайнан верил.

Содержание

Глава 1. Охота	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

А. Мор

Клинок и пепел

Глава 1. Охота

Кайнан шёл по болоту уже четвёртый час.

Ноги утопали в чёрной жиже по щиколотку. С каждым шагом из грязи вырывались пузыри газа с запахом тухлых яиц и разложением. Вода не текла — она стояла, маслянистая и мутная, с радужной плёнкой на поверхности. Местами из воды торчали кости — не звериные, человеческие. Кто-то утонул здесь и не нашёл выхода. Или его утопили.

Ветви над головой были сухими, сломанными, покрытыми серым мхом. Тишину нарушали только крики воронов с перебитыми крыльями — их Мордан держал на болотах для устрашения. Они сидели на сухих ветках и смотрели на Кайнана пустыми глазницами.

Кайнан не упал бы. Он был охотником. Он не имел права падать.

В руке он сжимал кинжал с чёрным лезвием. Простое железо. Ни рун, ни гравировки. Мордан говорил: оружие должно быть продолжением руки, а не игрушкой. Кайнан привык. За десять лет он сменил три кинжала. Этот был четвёртым. Он убивал этим кинжалом ведьм. Тех, кого находил. Тех,

кого посылал Мордан.

Он помнил их. Не всех — лица стирались, голоса меркли. Но некоторые остались. Как заноза под кожей.

Знахарка из Гнилых топей. Она забирала лихорадку у детей, и те выживали. Мордан сказал: «Она нарушает порядок». Кайнан перерезал ей горло. Она не сопротивлялась. Просто смотрела на него с усталостью. Как мать.

Сонница. Она насылала сны — показывала людям то, что они потеряли. Мордан сказал: «Она видела то, что не должна». Кайнан задушил её подушкой. Она улыбалась во сне. Так и не проснулась.

Он помнил их. Каждую. Десять лет.

Но чаще всего он вспоминал мать.

Она не молилась. Она просто смотрела на него, когда он поднял кинжал, и сказала: «Прости, что оставляю тебя одного». Тогда он не понял. Ему было двенадцать. Он думал, что выполняет волю Мордана. Потом он понял. Мать прокляла его. Перед смертью. Она прокляла его, чтобы он чувствовал боль каждой жертвы. Чтобы он никогда не забыл, что сделал.

Мордан снял проклятие. Не полностью — но он мог облегчить боль. На минуту. На час. Каждую ночь он приходил к Кайнану, клал руку ему на лоб, и боль уходила. На время. Потом возвращалась. Но эти минуты были всем, что у Кайнана было. Поэтому он служил Мордану. Не из страха. Из благодарности.

Он верил Мордану. Верил, что тот спас его. Верил, что тот

— единственный, кто может ему помочь.

Но иногда... иногда Мордан смотрел на него странно. Холодно. Как будто видел кого-то другого. Кайнан не понимал, почему. Он думал, что это его вина. Что он недостаточно хорош. Что он подводит отца.

Он старался. Изо всех сил. Он убивал без вопросов. Он выполнял приказы. Он был идеальным охотником.

Сегодня он охотился на ту, которую не мог убить уже третий год. Элис. Последняя из рода Тенабрии.

Он ненавидел её.

За то, что она заставляла его страдать. За то, что каждый раз, когда он приближался к ней, проклятие взрывалось болью и он падал на колени. За то, что она не умирала, хотя должна была. За то, что она пряталась на этих болотах и заставляла его возвращаться к Мордану с пустыми руками, чтобы потом снова терпеть его холодные, липкие прикосновения и слушать его шёпот: «Ты слаб, мальчик, ты не справишься».

Он ненавидел её за то, что она не боялась его. За то, что она смотрела на него как на равного. За то, что она убегала, а он не мог догнать.

Он видел её лицо только один раз. Три года назад. На поляне, в тумане.

Он до сих пор помнил тот день. Помнил, как вышел на поляну — мокрый, злой, с кинжалом в руке. Помнил, как она стояла у старого пня — бледная, худая, с тёмными кругами

под глазами, как будто не спала неделями. Длинные чёрные волосы спутанными прядями падали на плечи. На запястьях темнели глубокие шрамы — от ладоней до локтей, как следы от ожогов.

Она смотрела на него без страха. Без ненависти.

Он поднял кинжал. Шагнул вперёд.

А потом случилось то, чего он не ожидал.

Она не ударила его. Она просто посмотрела ему в глаза — и её магия встретилась с проклятием, которое висело на нём как цепь на шее раба.

Вся боль, которую он носил в себе — все годы казней, все чужие смерти, все молитвы, которые он слышал перед ударом, — ушла из него за одну секунду. Её забрали. Кто-то вытянул её из него, как вытягивают гной из раны.

Он упал на колени. Не потому что ему стало больно. А потому что боль исчезла.

Он не мог дышать без неё. Не мог двигаться. Не мог даже поднять руку. Когда боль ушла, он стал пустым. Он перестал существовать.

«Что ты сделала?» — попытался крикнуть он, но из горла вырвался только хрип.

Она смотрела на него секунду, две, три. В её серебристых глазах мелькнул страх. Не перед ним — за него.

А потом она развернулась и убежала. Скрылась в тумане.

Он остался стоять на коленях в грязи, сжимая кинжал, который не мог поднять.

С тех пор он искал её. Три года. Каждый раз, когда он приближался, она исчезала. Каждый раз боль возвращалась с новой силой. Но он не останавливался, потому что знал: если она сможет сделать это снова — хотя бы на секунду — он снова сможет дышать.

Сегодня всё должно было измениться.

Кайнан шёл по следу — свежему, сломанным веткам, отпечаткам ног на сырой земле. Она была где-то рядом. Проклятие пульсировало в такт с её дыханием, отдаваясь в висках тупой болью.

Через час он вышел к старому дубу.

Дерево было сухим, сломанным, обугленным. Его ветви тянулись вверх, как пальцы утопленников. Вокруг — выжженная, чёрная земля. Ничего не росло здесь. Только пепел, грязь и гниль.

Под дубом сидела она.

Элис.

Она была такой же, как в тот раз. Худая. Бледная. Шрамы на левой руке — те же, от запястья до локтя. Волосы спутаны, платье грязное, в прорехах. Но глаза... серебристые, как ртуть, живые, острые. В них не было страха. Только усталость, которая старше самого времени, и тихая, спокойная злость.

Она подняла голову и посмотрела на него.

— Ты пришёл, охотник. — голос хриплый, сорванный. — Я ждала тебя.

— Заткнись, — сказал он, поднимая кинжал. — Просто заткнись.

Он шагнул вперёд.

— Ударь, — сказала она, и в голосе появились насмешливые нотки. — Я знаю, что ты не можешь. Твоя рука застынет, когда ты приблизишься на шаг. Проклятие не даст тебе убить меня.

Он сделал ещё шаг. Проклятие взорвалось внутри него. Он чувствовал, как её боль пронзает его тело — она была острее, чем у других, потому что она была ведьмой, и её магия разъедала её изнутри.

«Блядь», — подумал он, когда ноги начали подкашиваться.

— Ты дрожишь, — заметила она спокойно. — Садись, охотник. Ты идёшь уже четвёртый час, твой организм на пределе, и проклятие жрёт тебя живьём. Или ты хочешь упасть и сдохнуть здесь, в грязи?

— Завали рот, — прохрипел он, но шагнуть не смог. Ноги подкосились, и он опустился на колени, сжимая кинжал дрожащими пальцами.

— Дай сюда руку, — сказала она, протягивая ладонь. — Сними перчатку.

— Не тронь меня, — он попытался отстраниться, но тело не слушалось.

— Охотник, я, блять, не срать тебе предлагаю, — в голосе Элис появились острые нотки раздражения. — Я предлагаю

тебе передышку. Дай мне руку, или я уйду, и ты просидишь здесь до утра, пока Мордан не сожжёт болото вместе с тобой.

Он смотрел на неё, сжимая зубы. В её глазах не было жалости. Только злость и усталость. Она не хотела ему помогать — она хотела, чтобы он не сдох, потому что он был ей нужен.

Он снял перчатку и протянул ладонь.

Она взяла его руку, закрыла глаза, и боль ушла.

Кайнан замер. Он мог дышать. Он мог думать. Он мог просто сидеть и чувствовать, как ветер касается его лица.

— Что... что ты делаешь? — прошептал он.

— Забираю твою боль, — ответила она, не открывая глаз.
— Не всю. Только ту, что душит тебя сегодня. Я не могу больше — моё тело не выдержит.

Она поморщилась, и Кайнан заметил, как на её лбу выступил пот, как лицо стало ещё бледнее, почти прозрачным. Она забирала его боль в себя, и это стоило ей сил. Много сил.

— Терпи, — сказала она, сжимая его ладонь. — Ещё немного.

Он смотрел на неё, смотрел, как она страдает, забирая его страдания. Как её пальцы дрожат, как она стискивает зубы. Как слёзы выступают на глазах — не от боли, а от напряжения. Но она не отнимала руки. Она держала его ладонь, и он чувствовал тепло её пальцев сквозь собственную кожу.

— Зачем ты делаешь это? — спросил он. — Я твой враг. Ты должна хотеть моей смерти.

— Хочу, — сказала она, открывая глаза. — Но ты мне нужен, чтобы убить Мордана. Без тебя у меня ничего не выйдет. Так что, блять, просто сиди и не дёргайся.

Она убрала руку, и боль вернулась — не сразу, а волной. Сначала слабо, потом сильнее. Кайнан сжал зубы, но не отвёл взгляда.

Он смотрел на неё. Долго. Без злости. Без удивления. Просто смотрел.

Она смотрела на него в ответ. В её глазах было что-то, чего он не ожидал. Не жалость. Не презрение. Просто усталость. Такая же, как у него.

— Ты можешь снять мою боль, — сказал он медленно. — Как Мордан.

— Могу, — ответила она. — Хотя нет. Не как Мордан. Я забираю её. Он просто прячет. Разница есть.

Кайнан замолчал. Он не понял. Или не хотел понимать.

— Мордан снял с меня проклятие, — сказал он. — Он спас меня.

— Мордан не снимал с тебя проклятие, — ответила она. — Он даёт тебе передышку. На час. Чтобы ты думал, что он твой спаситель. Чтобы ты нуждался в нём.

— Заткнись, — прошипел он. — Ты не знаешь его.

— А ты знаешь, почему я могу снять твою боль так же, как он?

Кайнан замер. Он не знал. Он даже не думал об этом.

— Потому что проклятие — это магия, — сказала она. —

А магия — это не что-то уникальное. Если я могу снять боль, значит, и другие могут. Значит, Мордан не единственный. Значит, он тебе врал.

— Ложь, — прошептал он. Но в голосе не было уверенности.

— Тогда почему ты не убил меня? — спросила она. — Почему твоя рука застывает? Почему проклятие не даёт тебе выполнить его приказ?

— Я не знаю, — сказал он.

— А хочешь узнать?

Он молчал. Он смотрел на неё. На её шрамы. На её усталые глаза. На её руку, которая только что забирала его боль.

— Мордан сожжёт болото этой ночью, — сказала она. — Он знает, что ты не убил меня. Он знает, что ты ослушался. Теперь ты для него не охотник. Ты — предатель.

— Откуда ты знаешь? — спросил Кайнан, поднимаясь.

— Я не знаю, — ответила она. — Я предполагаю. Но если я права — у нас обоих нет пути назад.

Она развернулась и шагнула в темноту.

— Пойдём, — бросила она через плечо. — Или оставайся и сдохни. Мне плевать.

Кайнан стоял, сжимая кинжал. Он смотрел на её спину — худую, узкую, сгорбленную. Она уходила. Уходила, не оборачиваясь. И если он останется здесь — он умрёт. Либо от огня, либо от проклятия, либо от руки Мордана.

Он ненавидел её. Ненавидел себя. Ненавидел всё.

Но он пошёл за ней.

— Если ты предашь меня, — сказал он, догоняя её, — я найду способ тебя убить. Даже если придётся отрезать себе руку.

— Договорились, — ответила она, не оборачиваясь. — И если ты предашь меня — я сделаю то же самое.

Они шли молча. Два врага, связанные проклятием. Два человека, у которых не было выбора.

Вдалеке, за болотом, поднималась стена огня. Мордан начал свою охоту.

Кайнан шёл за ней и думал. Не о Мордане. Не о проклятии. О том, что она сказала. «Мордан не снимает проклятие. Он просто прячет его».

Это было ложью. Должно быть ложью. Мордан спас его. Мордан снимал его боль. Каждую ночь. Каждую минуту. Он не мог лгать.

Но тогда почему она может то же самое? Почему она может забирать его боль, если это под силу только Мордану?

Кайнан не знал ответа. И это его злило. Не на Мордана. На себя. Потому что он не понимал. А если он не понимал — значит, он был недостаточно хорош. Недостаточно умён. Недостаточно предан.

Он хотел спросить Мордана. Не обвинить. Просто спросить. И услышать, что всё в порядке. Что она лжёт. Что он, Кайнан, всё ещё нужен.

Но сначала он должен был выжить. А для этого — идти

за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.